

УДК 130.2+304.2+316.7

DOI: 10.25206/2542-0488-2018-1-56-60

Л. И. МОСИЕНКО
Е. А. ЦВЕТУХИНА

Омский государственный
технический университет,
г. Омск

РОДИТЕЛЬСТВО В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ И ВРЕМЕННОСТИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ

В статье рассматриваются экзистенциальное измерение социальной нормы малодетности и социокультурные основания этого современного феномена. Опираясь на идеи М. Фуко и Ж. Бодрийяра, авторы приходят к выводу, что имплементация в семьях нормы малодетности в российском и западных обществах связана с коренными изменениями в отношении современного человека к своей собственной смертности. Сутью этих изменений является забвение временности человеческого существования и рассмотрение времени как ресурса, требующего накопления и эффективного вложения. В современные родительские практики встроены «техники себя», фактически направленные на киборгизацию своего тела. В основе же таких изменений лежат глобальные социокультурные трансформации, характерные для европоцентристских обществ.

Ключевые слова: время, временность, родительство, смерть, рождение.

Дети, время и временность как экзистенциальные проблемы. Во все времена бездетность считалась великим несчастьем не только для женщины, но и для мужчины. Каковы же основания набирающей все большие масштабы тенденции добровольного отказа от деторождения? Социологические исследования все чаще говорят о феномене малодетности, захватившем не только европейскую культуру, несколько веков назад вступившую на путь модернизации, но теперь и русскую, только начинающую свой путь в мир модерна. Те, кто не отказывается от возможности быть родителем, ограничиваются малодетностью, которая de facto уже стала современной социальной нормой. На наш взгляд, связано это, прежде всего, с тем, что проект деторождения не является актуальным для современного человека, живущего одним только настоящим днём. Вполне закономерно, что, забывая о прошлом, о своих традициях, современный человек разучился жить в Вечности. Однако, утратив своё прошлое, он также рискует потерять для себя и будущее.

Актуальность добровольной бездетности в этой связи может быть зафиксирована через различение феноменов времени и временности. Временность,

как экзистенциальный феномен, в отличие от времени — феномена онтологического, строго очерчивает горизонт бытия человека, осуществляющийся в со-бытии жизни и смерти. Будущее получает свою определённую как оправдание присутствия человека в мире через раскрытие его собственного жизненного проекта.

Узловым моментом в понимании подлинной специфики современного общества в контексте феномена временности является «заброшенность» человека в мир и осознание им собственной смертности. Столкнувшись с подобным проявлением Ничто, традиционная метафизика вытесняет его в трансцендентную запредельность, обычно символически выраженную в фигуре Бога и первопричины. Страх перед собственной конечностью в этом случае снимается через единение с идеалом, запечатлённым в образе вечного райского покоя и блаженства. «Смерть» Бога (Ф. Ницше [1, 2], М. Хайдеггер [3, 4]) и профанация этой трансцендентной фигуры в современном общественном сознании вынуждает человека искать иные пути достижения длящего себя в настоящем времени счастья и удовольствия.

Поскольку Бог «мёртв», то, соприкоснувшись со смертью, человек предстаёт перед Ничто во всей его полноте, что означает для него — за границей наличного нет *ничего*, есть только смерть. Однако даже она оказывается недоступна для умирающего, ибо он не способен пережить и ощутить ее как таковую. Именно поэтому смерть открывается человеку через нарушение запрета, через разрушительную силу Диониса, в эпоху Возрождения представленную в феномене карнавальной культуры, в Новое время — во всё поглощающем и сметающем на своём пути *Cogito*, а в современном мире — объективированными в ценностях и нормах потребления секулярными общественными структурами. В этом отношении вся современная культура представляет собой попытку подступиться к феномену смерти и преодолеть страх перед нею.

Молодетность является прямым следствием такого положения дел. Молодетность — это разрушительная сила Диониса, представленная бунтом против собственной смерти. В связи с этим нас интересует, какое именно понимание времени и какое отношение человека к временности своего собственного существования (иными словами, к своей собственной смертности) фиксирует эта по сути уже социальная норма? Разумеется, подобной нормой является именно молодетность (один или два ребёнка), однако с ее утверждением общество изменило и своё отношение к бездетности: деторождение было объявлено делом свободного выбора. Вполне возможно, что исследование феномена бездетности даст ключ к пониманию и молодетности, поскольку нельзя исключать, что бездетность наиболее явно и открыто выражает те интенции, на волне которых утвердилось и социальная норма молодетности. Исходя из того, что наши знания о мире конструируются социальными практиками, вызывают интерес также и те объективные факторы, которые привели к трансформации экзистенциальных смыслов деторождения и родительства в целом.

Специфика «присутствия» субъекта родительства. С одной стороны, время является для современного человека в России ценностью. В отличие от предыдущих поколений (людей, сформированных советским обществом), у него нет «веры в завтрашний день», но зато есть, казалось бы, вполне ответственное отношение к этому самому завтра. Оно преломляется и в родительском дискурсе: «социально ответственное родительство» [5] предполагает, что семья или индивид имеет право заводить только такое количество детей, которое может быть ими материально обеспечено в соответствии с принятыми в обществе стандартами. Иными словами, экзистенциальная забота выливается в озабоченность экономической: человек может позволить себе ровно столько бессмертия (если детей рассматривать именно в таком привычном ракурсе), сколько сможет заработать и накопить.

С другой стороны, экономическая озабоченность способствует становлению и нарастанию экзистенциального отчуждения, когда стремление к благосостоянию в настоящем вытесняет всякое стремление к будущему. Если К. Маркс стремился выявить механизм работы экономического отчуждения, то сегодня впору говорить об отчуждении экзистенциальном. Кризис бытия современного человека проявляется в том, что оно пропитано отчуждением. Отчуждение порождает разрывы в длительности настоящего, когда в экзистенции чего-то не

хватает и человек не живёт в имманентном настоящем своего целого, он живёт только в сиюминутном «теперь». Этот переход от Вечности к сиюминутному «теперь» стал возможен благодаря новой модели социальной реальности, охваченной производством и потреблением. Современная социальная реальность, существующая в модусе «теперь», сама ничтожит проекты подлинного присутствия, культивируя функциональность человека так, как если бы он был простой машиной. Эта новая реальность является принципиально иной, она отличается от мира возможности. Превенная традиционная культура, ранее толкавшая человека от возможности к реальности, сталкивается в настоящее время с трагической ситуацией утери подлинного присутствия человека, когда большая часть современных людей утрачивает свою собственную человечность. Именно поэтому современная культура, подобно традиционной, должна вернуть движение цивилизации вспять: не от эмоционального к функциональному, а, напротив, к культивации, реализации и в ещё большей степени полаганию экзистенциального во всех его значимых компонентах.

Техническое и информационное пространства современной социальной реальности существуют в модусах соединения, сплава разрозненных элементов, деталей, текстов, смыслов. К слову, подобная особенность современной социальной реальности удивительно точно проиллюстрирована искусством последнего столетия. Утрата присутствия связана с тем, что новая реальность экстраполирует на современного человека время «теперь». В то время как человек традиционной культуры — богоподобный творец, и, создавая себя, он, как ремесленник, должен обзирать целостность: от идеи до свершения, но в рамках утраты собственного присутствия человек дискретен и отчуждён, он существует в рамках несвершенности себя, что явным образом выражено в трансформации феномена родительства в современном мире.

В отличие от обыденного дискурса, где господствует идея «помех» к деторождению («и хотели бы больше, да нет денег»), демографы и социологи знают: увеличение благосостояния не обязательно приводит к увеличению рождаемости. Этот принцип действует как на уровне семей, так и на уровне государств: богатые страны — как раз и есть страны депопулирующие либо имеющие стабильный показатель воспроизводства населения только лишь за счёт миграции¹. С ростом уровня доходов, как свидетельствуют социологи [6], интересы супругов все больше смещаются на вне-семейные интересы, а отнюдь не на то, чтобы увеличить количество своего «бессмертия», то есть количество детей в собственной семье. Налицо парадокс: сочетание экономической озабоченности и экзистенциального отчуждения.

Очевидно, что родительство требует не только финансовых вложений, но и временных (причём довольно значительных — речь идёт не о часах и днях, а о годах жизни), а также вложений эмоциональных. Если почитать форумы сторонников чайлдфри, то видно, что нежелание иметь детей там манифестируется как раз в границах экономической затратности содержания детей (предполагается, что заработать, сколько тебе надо, — не проблема), сколько именно необходимостью вложений эмоциональных сил и времени. Дети — это труд (вложение сил), это самоограничение, это сведение к минимуму (и на долгий срок) *свободного времени*

для самого себя. Основная аргументация сторонников чайлдфри сводится как раз таки к тезису: «не наступайте на мою свободу!». Иными словами: не заставляйте меня трудиться ради *другого* (т.е. жить для другого, быть зависимым), ибо я имею полное право жить лишь для *себя* (т.е. быть независимым, иметь много свободного времени). О том же самом свидетельствуют и результаты социологических исследований: «...может сложиться впечатление, будто основным препятствием для многодетности сегодня является уровень материального достатка. До определённой степени это, конечно, так и есть. Однако отсюда вовсе не следует, что, будь люди побогаче, количество детей в семьях резко увеличилось бы: респонденты осознают, что воспитание детей предполагает не только материальные, но ещё и временные, эмоциональные, моральные затраты, а эти ресурсы также исчерпаемы. Приведём слова одного из участников фокус-групп: по его мнению, число детей лимитируется количеством денег только до определённого момента, а дальше на первый план выходят совсем иные соображения» [7].

На самом деле не ограниченность материальных ресурсов, но расстановка приоритетов оказывается определяющей в выборе того или иного проекта родительства. Будучи материалистами в понимании социального развития, будем искать причины экзистенциальных сдвигов в объективных социальных процессах. Многие философы и социологи уже писали о том, что время (в особенности свободное) стало в современном мире величайшей ценностью: «В реальном или воображаемом изобилии «общества потребления» время занимает привилегированное место. Спрос на это весьма особенное благо почти уравнивает спрос на все другие блага, взятые вместе» [8, с. 193].

Однако это время не то же самое, о котором пишут экзистенциалисты: это не твоя собственная конечность, а дарованный тебе неисчерпаемый ресурс. Согласно логике человека капиталистического общества, любой ресурс надо эффективно вложить: «Стоило ли то или иное действие затраченных на него денег или времени. В каждом случае человек испытывает потребность оправдать своё действие с помощью уравнивания, свидетельствующего, что энергия была выгодно «инвестирована». Наиболее точно и категорично эта установка выражена у Бен-тама в его представлении об удовольствии и страдании... Начав с допущения, будто цель жизни состоит в получении удовольствия, Бен-тама предложил своеобразную бухгалтерию, призванную показать, чего больше в каждом действии — удовольствия или страдания, и, если удовольствия оказалось больше, значит, такое действие стоило совершить. Таким образом, жизнь в целом была для него чем-то вроде бизнеса, где в каждый данный момент положительный баланс должен был свидетельствовать о выгодности предприятия» [9].

Родительство как снятие противоречия жизни и смерти. Учитывая все вышесказанное, для того, чтобы раскрыть сущность проблемы малодетности в современном капиталистическом пространстве, необходимо вести поиск актуальной для современного человека инвестиции. Чаения Н. А. Бердяева о том, что бессмертие *родовое* должно быть снято бессмертием *личностным* посредством творчества» [10], очевидным образом не актуальны для культуры постмодерна, порывающей с любой формой традиции. С точки зрения традиционного дискурса, творчество снимает страх человека перед смертью. Творчество для традиции являет собой мост между

бытием и сущим. Творчество есть тот зазор, расщелина, через которую бытие может показать нам себя. Поскольку бытие само по себе и есть Вечность, то в акте творчества человек соприкасается с ней. Сущее (как нечто временное) теряет, таким образом, свою привлекательность в акте творчества. Помимо искусства, в котором активным началом, безусловно, является душа творца, имеющая онтологическое, а не онтическое начало, это хорошо просматривается в феномене героизма. Героизм и героическая смерть есть акт творчества, ибо дарует выход за пределы сущего, в котором герой соприкасается с Вечностью. Если в традиционном (в том числе — советском) дискурсе восхищение вызывали люди, способные к самопожертвованию (т.е. те, кто «принёс» себя в Вечность во имя всеобщего), то теперь герои все чаще становятся обычными жертвами: несчастного случая, чужой халатности, недостатка профессионализма или просто трагического стечения обстоятельств. В пространстве забвения бытия они есть объект скорее жалости, чем восхищения. Современному обществу не нужно, чтобы кто-то *умирал* «во благо других»: нужно, чтобы *жил* и *потреблял* по максимуму товары и услуги. Смерть в обществе потребления — тема запретная [11]. Самопожертвование в какой-то мере ещё остаётся героизмом в патриотическом дискурсе, но он актуализируется только в кругу небольшого числа сочувствующих этой идее людей. Большинство же находится под влиянием техник НЛП, объективирующихся через СМИ. Кем же в такой ситуации восхищается современный человек? Он восхищается предложенными через СМИ образами глянцевого «героя»: мужчины-супермена, женщины-Барби, кумирами политики и поп-культуры. А это всё приводит к тому, что в общественном сознании человеческое тело существует лишь постольку, поскольку существуют товары и услуги, которые можно «примерить» на это тело. Тело, на которое товар или услуга не могут быть «примеримы», объявляется общественным сознанием уродливым и ущербным. Восхищение теперь вызывают старые люди, которым тем не менее удаётся оставаться молодыми. Не позволяющие времени протекать сквозь своё тело, остановившие смерть на пороге своего тела — они и есть герои нашего времени.

Однако отрицание старости — это одновременно и отрицание развития. И хотя способность меняться неизменно высоко ценится, тем не менее о развитии за пределами социальной успешности никто и ничего не говорит. Тема развития личности заменяется симулякром — простой способностью меняться, — способностью, имеющей в своей основе не естественные процессы, а искусственные усилия — так называемую «работу над собой». Такая способность манифестирует не развитие, а простую интенсификацию времени: успеть всё — максимум дел и впечатлений за минимум времени!

Современный человек не хочет быть героем, человек общества потребления хочет быть богом — бессмертным, как он. Капитализм порождает бессмертие из денег, позволяющих не растрчивать себя в чём-то до конца, а накапливать и — выгодно вкладывая — преумножать капитал, продлевая своё право на существование «теперь». При этом критерием полноты бытия, приносящим удовольствие, выступает все та же пресловутая способность потреблять товары и услуги, позволяющие человеку управлять собственным временем. Удовольствие не рождает ничего, оно — простая текучесть, его генерацию можно начать, остановить, возобновить на

любом этапе, так что субъект сам управляет этим процессом. Деньги дают ему такую возможность. Чего нельзя сказать о труде, который существует лишь в отношении к будущему и связан со страдой и растратой ресурса времени. «Фактически время досуга не "свободно", — уточняет Ж. Бодрийяр, — оно израсходовано, и не в виде чистой траты, а с целью необходимого для общественного индивида производства статусов. Никто не имеет потребности в досуге, но все вынуждены представить доказательства своей свободы в отношении производительного труда» [8, с. 202]. Именно это время противопоставлено труду как растрате, а в своём пределе — смерти.

Таким образом, в мире всеобщего потребления время и силы надо конвертировать в удовольствие, но время и деньги, потраченные на детей, конвертировать в удовольствия не получается: слишком очевидно, что дети — это растрата, труд, умирание. Однако современная культура находит выход из такой, казалось бы, безвыходной ситуации (потенциально угрожающей тотальной бедностью). Она создаёт из материнства модный тренд, так же транслируемый в СМИ, в котором деторождение предстаёт с гедонистических позиций: беременность как полезное и физиологически целесообразное обновление организма, коммуникация с детьми придаёт жизни смысл, а существованию — радость! Однако о том, что материнство даёт, а не отнимает, обычно говорят мало и осторожно — понятно, что такие речи в любой момент могут заглушить более громкие и циничные голоса, повествующие о тяготах материнства, смысла которых заключён в самопожертвовании. Экзистенциально действия «брать-отдавать» связаны, но эта связь реальна только для включённого в социальный мир человека; точнее — для человека, обязательно связанного с кем-то другим, а не для атомизированного человека (который может быть также вполне социализирован, но через иные механизмы).

Кроме того, время — это ресурс, который надлежит накапливать, а не тратить. Поэтому время современного человека работает не на детей, а против них. Человек знает, что время течёт. Но он не принимает этого, он борется с его текучестью, он пытается его накопить, то есть в идеале — остановить, а значит — трансформировать в Вечность. Способ же превращения времени в Вечность стар, как и сам этот мир: время, от которого отсечено прошлое (нигилизм и потеря корней) и предано забвению будущее, именно такое и кажется нам бесконечным. Следуя этому, современный человек старается жить в режиме сиюминутности. Парадоксально, но факт: человек, живущий по часам, ничего не хочет знать о времени!

Предана забвению временность, историчность, конечность человеческого существования. В современной культуре дети не только неуместны, но даже абсурдны. Они — трата ограниченных ресурсов, рискованное вложение, труд, самоограничение и зависимость от властных структур, а в конечном счёте — твоя смерть. Как верно заметил Т. В. Филатов: «Когда человек осознаёт неизбежность смерти, он начинает стремиться к смерти осмысленной. Осмысленна, однако, только та смерть, которая воспроизводит жизнь. Это лишь кажется, что детей рождают для того, чтобы паразитировать на их жизни в старости. На самом деле мы хотим, чтобы нашу жизнь съела другая жизнь» [12, с. 17]. Отрицая время и смерть, мы не сможем их победить. Признав же реальность времени и смерти, мы перестаём функционировать и начинаем жить. Лишь

отказавшись от себя, мы обретём максимально возможное бессмертие себя в этом мире.

Примечания

¹ Красноречивые примеры — Франция и США. Первая справилась с депопуляцией за счёт того, что стала самой «мусульманской» страной в современной Европе, а США выдерживают нужный коэффициент рождаемости (2,2) не в последнюю очередь за счёт выходцев из Мексики и Латинской Америки. Однако многие культурологи с тревогой пишут о скором расколе общества фактически на «две Америки».

Библиографический список

1. Ницше Ф. Весёлая наука. Сочинения в 2 т. Т. 1 / пер. с нем. Я. Бермана, Г. А. Рачинского, К. А. Свасьяна [и др.]. М.: Мысль, 1990. 830 с. ISBN 5-244-00138-8, 5-244-00173-6.
2. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. Сочинения в 2 т. Т. 2 / пер. с нем. Ю. М. Антоновского. М.: Мысль, 1990. 829 с. ISBN 5-244-00138-8, 5-244-00180-9.
3. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. 447 с. ISBN 5-250-01496-8.
4. Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет / пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. 464 с. ISBN 5-7333-0485-5.
5. Кутявина Е. Е., Курамшев А. В., Мифтахова А. Г. Ответственное деторождение в репродуктивных установках современных женщин // Вестник нижегородского ун-та им. Лобачевского. 2014. № 2 (34). С. 81–86.
6. Синявская О. В., Захаров С. В., Карцева М. А. Поведение женщин на рынке труда и деторождение в современной России // Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе: сб. аналит. ст. / под науч. ред. Т. М. Малевой, О. В. Синявской. М.: НИСП, 2007. С. 421–476. ISBN 978-5-903599-03-5.
7. Вовк Е. Образы многодетных семей: ст. URL: <http://www.miloserdie.ru/articles/obrazy-mnogodetnyh-semej> (дата обращения: 30.10.2017).
8. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. М.: Республика, 2006. 269 с. ISBN 5-250-01894-7.
9. Фромм Э. Здоровое общество. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=103037> (дата обращения: 15.10.2017).
10. Бердяев Н. А. Смысл творчества. М.: АСТ, Астрель, 2011. 672 с. ISBN 978-5-17-073446-7, 978-5-271-35897-5.
11. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть = L'Echange symbolique et la mort: пер. с фр. М.: Добросвет: КДУ, 2006. 389 с. ISBN 5-9822717-0-5.
12. Филатов Т. В. Грядущий апокалипсис: обзор основных сценариев экзистенциального упразднения человечества: моногр. Самара: Изд-во Самарской гос. с.-х. акад., 2008. 159 с. ISBN 978-5-88575-205-3.

МОСИЕНКО Лилия Ивановна, кандидат философских наук, доцент (Россия), доцент кафедры «Философия и социальные коммуникации». SPIN-код: 8048-9196; AuthorID (РИНЦ): 388292
Адрес для переписки: mosienko_liliya@mail.ru
ЦВЕТУХИНА Екатерина Андреевна, кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры «Философия и социальные коммуникации». SPIN-код: 1590-6067; AuthorID (РИНЦ): 892724
Адрес для переписки: kat.kalach@mail.ru

Для цитирования

Мосиенко Л. И., Цветухина Е. А. Родительство в контексте времени и временности человеческого существования // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2018. № 1. С. 56–60. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-1-56-60.

Статья поступила в редакцию 31.10.2017 г.

© Л. И. Мосиенко, Е. А. Цветухина

PARENTHOOD IN THE CONTEXT OF TIME AND TEMPORARINESSES OF HUMAN EXISTENCE

The article is devoted to the existential measurement of child shortage social norm and socio and cultural foundations of this modern phenomenon. Relying on ideas M. Foucault and J. Baudrillard, the authors come to conclusion that becoming of the child shortage social norm in Russian and Western societies is due to fundamental changes in the attitude of modern man to his own mortality. The essence of these changes is the oblivion of the human existence temporariness and the view on time as a resource that requires accumulation and effective investment. The modern parenting practices include «techniques of the self» which are directed on a cyborgization for human bodies. At the foundations for that changes are the global socio and cultural transformations typical of Eurocentric societies.

Keywords: time, temporariness, parenthood, death, birth.

References

1. Nietzsche F. Veselaya nauka. V 2 t. T. 1 [Merry Science. In 2 Vol. Vol. 1] / transl.: Ya. Berman, Rachinskiy, K. A. Svas'yan [et al.]. Moscow: Mysl' Publ., 1990. 830 p. ISBN 5-244-00138-8, 5-244-00173-6. (In Russ.).
2. Nietzsche F. Tak govoril Zarathushtra [So spoke Zarathustra]. V 2 t. T. 2 / transl. Yu. M. Antonovskiy. Moscow: Mysl' Publ., 1990. 829 p. ISBN 5-244-00138-8, 5-244-00180-9. (In Russ.).
3. Heidegger M. Vremya i bytiye: Stat'i i vystupleniya [Time and Being: Articles and speeches] / transl. V. V. Bibikhin. Moscow: Respublika Publ., 1993. 447 p. ISBN 5-250-01496-8. (In Russ.).
4. Heidegger M. Raboty i razmyshleniya raznykh let [Works and reflections of different years] / transl. A. V. Mikhaylov. Moscow: Gnozis Publ., 1993. 464 p. ISBN 5-7333-0485-5. (In Russ.).
5. Kutyavina E. E., Kuramshev A. V., Miftakhova A. G. Otvetstvennoye detorozhdeniye v reproduktivnykh ustanovkakh sovremennykh zhenshchin [Responsible reproduction of the modern woman] // Vestnik nizhegorodskogo unstituta im. Lobachevskogo. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*. 2014. No. 2 (34). P. 81–86. (In Russ.).
6. Sinyavskaya O. V., Zakharov S. V., Kartseva M. A. Povedeniye zhenshchin na rynke truda i detorozhdeniye v sovremennoy Rossii [The behavior of women in the labor market and childbearing in modern Russia] // Roditeli i deti, muzhchiny i zhenshchiny v sem'ye i obshchestve. *Parents and Children, Men and Women in the Family and Society* / Ed. T. M. Malevaya, O. V. Sinyavskaya. Moscow: NISP Publ., 2007. P. 421–476. ISBN 978-5-903599-03-5. (In Russ.).
7. Vovk E. Obrazy mnogodetnykh semei [Images of large families]. URL: <http://www.miloserdie.ru/articles/obrazy-mnogodetnyh-semei> (accessed: 30.10.2017). (In Russ.).
8. Bodriyyar Zh. Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury [Consumer Society. His myths and structures] / ed. and transl. E. A. Samarskaya. Moscow: Respublika Publ., 2006. 269 p. ISBN 5-250-01894-7. (In Russ.).
9. Fromm E. Zdorovoye obshchestvo [Healthy Society]. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=103037> (accessed: 15.10.2017). (In Russ.).
10. Berdyayev N. A. Smysl tvorchestva [Sense of creativity]. Moscow: AST, Astrel' Publ., 2011. 672 p. ISBN 978-5-17-073446-7, 978-5-271-35897-5. (In Russ.).
11. Baudrillard J. Simvolicheskiy obmen i smert' [Symbolic exchange and death = L'Echange symbolique et la mort]. Moscow: Dobrosvet: KDU Publ., 2006. 389 p. ISBN 5-9822717-0-5. (In Russ.).
12. Filatov T. V. Gryadushchiy apokalipsis: obzor osnovnykh stsenariyev ekzistentsial'nogo uprazhneniya chelovechestva [The coming apocalypse: an overview of the main scenarios of the existential abolition of mankind]. Samara: GSKHA Publ., 2008. 159 p. ISBN 978-5-88575-205-3. (In Russ.).

MOSYENKO Liliya Ivanovna, Candidate of Philosophical Sciences, Assistant Professor of Philosophy and Social Communications Department.
SPIN-code: 8048-9196
AuthorID (RSCI): 388292
Address for correspondence: mosienko_liliya@mail.ru
TSVETUKHINA Ekaterina Andreyevna, Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of Philosophy and Social Communications Department.
SPIN-code: 1590-6067
AuthorID (RSCI): 892724
Address for correspondence: kat.kalach@mail.ru

For citations

Mosyenko L. I., Tsvetukhina E. A. Parenthood in the context of time and temporarinesses of human existence // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2018. No. 1. P. 56–60. DOI: 10.25206/2542-0488-2018-1-56-60.

Received 31 October 2017.

© L. I. Mosyenko, E. A. Tsvetukhina